

Егор Лосев

Багряные скалы

Егор Лосев

Багряные скалы

Текст предоставлен правообладателем
http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=5005669
Багряные скалы: Книга-Сэфер; Израиль; 2013

Аннотация

Герои повести израильского прозаика Егора Лосева – солдаты Армии Оборона Израиля 1956 года. Мужество и предательство, мужская дружба и соперничество, смерть, кровь, любовь, – эти понятия становились трагической повседневностью для юных героев борьбы за существование еврейского государства. В свои 20 лет они успели пережить и Катастрофу и Войну и гибель близких. Но они молоды, они живут, любят и – стремятся в запретный путь к таинственной Петре, к Багряным скалам. Путь, на котором их ждет или гибель от пули врага или слава в глазах товарищей...

Содержание

Об авторе	4
вместо предисловия	5
Май 56-го	9
Апрель 56-го	22
Сентябрь 51-го	35
Апрель 56-го	61
Май 52-го	72
Конец ознакомительного фрагмента.	76

Егор Лосев

Багряные скалы

Об авторе

Егор Лосев, израильский русскоязычный писатель. Автор повестей и рассказов, в основном об израильской армии, а также ряда статей и интервью, написанных для российской, канадской и американской русскоязычной периодики.

Лауреат Шестого Фестиваля молодых литераторов Израиля в номинациях – „Проза“ и „Фантастика“. Автор сборника „Резервисты“, выпущенного издательством ЭКСМО в 2007 году.

Вместо предисловия

Посвящается безбашенному поколению израильтян, построивших эту замечательную страну.

Тех, кто не боялся идти навстречу неизвестному, по откровенно враждебной земле, тем, кто ставил цели и шел к ним до конца, не считаясь с ценой.

События и люди, описанные в этой повести, реальны. Но все же не стоит требовать документальной точности, это художественное произведение и многое – плод авторской фантазии.

Почти у каждого из реальных героев изменилось что-нибудь одно: имя, фамилия или кличка, лишь несколько остались под своими настоящими именами.

В шестидесятые годы в Израиле пользовалась особой популярностью песня "Красная скала".

"Там за пустыней, за горой,
Есть место, как о том гласит молва,
Откуда не пришел еще живой,
Зовут то место Красная скала..."

Песню эту запретили, чтобы не будоражила воображение.

Она не звучала по радио. Не исполнялась на концертах. Бродягой шлялась по дорогам, появлялась на школьных вечеринках, надолго задерживалась в военных лагерях.

Красная скала – это Петра, легендарная столица Набатейского царства, просуществовавшего до начала второго века, когда наместник Сирии Корнелий Пальма по указу императора Траяна превратил "относящуюся к Петре Аравию" в римскую провинцию. Давно исчезли набатеи, номады семитского происхождения, не изменившие арамейской культуре и потому уничтоженные воинственными приверженцами пророка Мухаммеда.

Но остался высеченный в скалах удивительный город, избежавший тлетворного влияния времени, сохранивший дикое, первозданное очарование.

...Меиру было пятнадцать лет, когда кто-то из друзей подбил его на экскурсию в район знаменитых медных рудников Тимны. Броская красота соломоновых столбов произвела впечатление, и Меир не мог оторвать от них глаз. Как вдруг он услышал голос экскурсовода: "То, что вы видите – ничто по сравнению с Петрой".

Позднее Меир записал в своем дневнике: "Что-то дрогнуло во мне, когда я впервые услышал дразнящее, пленительное слово "Петра". Но потом, постепенно, штрих к штриху, образ к образу, стала вырисовываться легенда, настолько призрачная и далекая, что навсегда должна была остаться дивной сказкой – и не более.

Прошло несколько лет. Изменились реалии. Невозможное стало возможным. Тогда и дала о себе знать, как старая рана, давняя мечта. Она ожила во мне, и я не знал покоя до тех пор, пока не решил: пойду, и будь, что будет. И мне сразу стало легче".

В Петру его сопровождала давняя приятельница Рахель Сабураи. Боготворившая Меира, она была готова идти за ним хоть на край света. Впрочем, как и многие другие.

Четыре ночи и три дня длился их отчаянный поход. И они добрались до цели. И шесть часов провели среди варварского великолепия древних дворцов, высеченных в скалах цвета крови, покрытых узорными надписями на мертвом языке.

И вернулись, чудом обойдя посты легионеров, избежав встречи с ненавидящими Израиль бедуинскими кочевниками.

Так Меир Хар-Цион положил начало рыцарской традиции, просуществовавшей в израильской армии многие годы.

Когда Данте проходил по улицам Вероны, то жители города долго провожали его глазами. Им казалось, что они видят на его лице отблеск адского пламени. Приблизительно с таким же чувством смотрели бойцы на Хар-Циона.

Он побывал в Петре и вернулся живым...

И вот начались походы в Петру сначала бойцов сто первого отряда, а затем парашютистов. Это было похоже на повальное безумие, на попытку сумасшедшего художника расписать красками неистово пылающий закат.

Скала-молох требовала все новых и новых жертв. Бойцы – лучшие из лучших – погибали на пути в Петру или при возвращении. Легионеры, знавшие о странном ритуале израильских парашютистов, устраивали засады. Лишь немногим удавалось побывать ТАМ и вернуться. Но зато они сразу как бы вступали в замкнутый, почти кастовый "рыцарский орден". На них смотрели как на титанов, для которых не существует невозможного. Они стали легендой армии, создававшей героический эпос, охвативший все годы существования Израиля.

Меир, терявший товарищей, не раз сожалел, что это он положил начало кровавой традиции.

По следам Хар-Циона, например, отправились двое его бойцов Дмитрий и Дрор...

Владимир Фромер

Май 56-го

*Лежит мое сердце на трудном пути,
Где гребень высок, где багряные скалы...*
Ю. Визбор

Жук грузно пролетел сквозь решетку на окне. Толстый, похожий на набитую парашютистами "дакоту", он снизился, заложил вираж и перешел в горизонтальный полет. Казалось, вот-вот в бок у жука откроется дверца, и вниз посыплются десантники, раскрывая над собой купола парашютов.

По дуге обогнув камеру, жук со всей дури шмякнулся об железную дверь, закувыркался и рухнул на пол.

Дмитрий, чуть повернув голову, с интересом следил за всеми пертурбациями насекомого. Вспомнилось, что этих жуков в Израиле называют "хомейни".

Тем временем жук захлопнул половинки панциря и приготовился встретить любую опасность. Убедившись в отсутствии оной, жук снова приподнял свою броню, аккуратно сложил крылья и уполз под кровать.

За окном громко затарахтел сверчок.

Дмитрий зевнул и уткнул взгляд в грязноватый потолок. Рифленый отпечаток армейской бутсы чернел на штукатурке прямо над кроватью. Какой-то озверевший от безделья узник, видимо, подбрасывал ботинок снизу, чтобы оставить

следы на потолке.

Яркий свет лампы прикрытой "намордником" резал глаза. Дмитрий надвинул на лицо берет и попытался задремать.

Сон не шел.

Мысли в голове тянулись безрадостные и тоскливые.

Саднило простреленное бедро. Где-то под повязкой ныли фаланги безымянного пальца. Несуществующие фаланги. Доктор так и назвал эти странные боли – "фантомными". От пальца остался жалкий огрызок, да и вся пятерня потеряла "товарный вид".

С одной стороны, он добился того, чего хотел. Исполнил мечту. Прикоснулся к запретному. Оказался принятым в касту посвященных. Как Бар-Цион. Салаги в роте будут глядеть на него с восхищением, да и не только салаги. Не один ветеран, поглядев на фотографии, завистливо вздохнет.

Жаль только, что фотографии из них с Двиром оказались никудышные, перемудрили немного со всеми этими "выдержками", "диафрагмами", но это мелочи.

Простреленное бедро и покалеченная рука – ерунда. Да и завтрашний суд не страшен. Батальонное начальство отмажет. У десантников не принято вываливать напоказ грязное белье. Потом, когда он вернется в строй, влепят, конечно, по самое "не горюй", но на суде прикроют.

Он счастливчик, особенно если сравнивать с теми пятью, что рискнули в августе пятьдесят третьего.

Но на душе все равно поганно скребли кошки. Как только он забывался в коротком сне, звенел в ушах крик Двира: "Прикрываю! Пошел!". Мерещились команды на арабском, выстрелы. Иногда снилась пустыня, жгучее солнечное марево... красная пыль... обманчиво-сонная змея-цефа шуршала по песку.

Очнулся он от того, что скрипнул стул.

Напротив сидел Узи. Весь какой-то светлый, в чистой форме, только на голове все та же каска с вывороченной наружу дырой, поблескивающей зазубренными краями.

Узи улыбнулся и помахал рукой.

– Ахалян...

– Ты... – удивился Дмитрий. – Как? Откуда?

– Оттуда... – Узи закатил глаза под срез каски, – а то ты не понимаешь?

Слабый свет лился из-за его спины, будто между лопаток Узи прикрутили лампочка.

Дмитрий ошалело потер глаза:

– И как у вас, – он показал глазами в потолок, – там...?

– Да нормально... – пожал плечами Узи, – нас там много... сам знаешь, компания подобралась подходящая...

Он обвел рукой комнату и позади него, словно на фотобумаге под линзой увеличителя, стали проявляться прозрачные, бледные фигуры: ...ротный – Саадия, в чистой, но разорванной на груди гимнастерке, пацаны-пограничники из Бейт Нехемии, с жутковатыми от уха до уха ранами на горле.

Еще кто-то знакомый, стоящий спиной...

Дмитрий поежился. Берль все так же безмятежно улыбался.

– Тут хорошо... я деда встретил... с детства мечтал... Да и тебя мы ждали... ты ведь почти пришел, а в последний момент сорвался.

– А это кто такой? – холодея, спросил Дмитрий, тыча пальцем в стоявшую к нему спиной призрачную фигуру.

– Как кто? – засмеялся Берль. – Ты чего, не узнаешь?

Стоявший спиной силуэт медленно повернулся...

Дмитрий заорал, подскочил на кровати и проснулся. Стоявший напротив стул был пуст.

Он помотал головой, отгоняя приснившийся кошмар.

Он не виноват. Так уж легли карты... или звезды... или кто-то там на небе распорядился... Да и кто мог подумать, что этот кретин Адам откажется? Хотя, какая теперь разница?

Он утер пот со лба.

За дверью послышались шаги. Ключи зазвенели. Кто-то заглянул в глазок. Потом замок лязгнул, и дверь приоткрылась. В темноте коридора различалась худошавая подтянутая фигура, позади маячил военный полицейский в белой каске.

Дмитрий поднял голову, шурясь от слепящего сияния лампы.

У двери стоял Бар-Цион.

Ротный шагнул вперед на свет. Пыльная куртка-американка без знаков различия, пыльные штаны и грязные ботинки. Наверное, приехал прямо с учений, кажется там сейчас рота.

– Только не долго, – буркнул из коридора полицейский и захлопнул дверь.

Бар-Цион неторопливо оглядел камеру, и угол его губ пополз вверх, обозначая кривую ухмылку.

Вскакивать и приветствовать ротного по уставу Дмитрий не собирался. В роте были не такие отношения. Но он все же уселся на кровати, пристроив поудобней больную ногу.

Бар-Цион невозмутимо покачивался с пятки на носок, изучая Дмитрия цепкими черными глазами.

– Ну, Фридман? – бросил он, наконец. – Как погуляли? Понравилось?

Дмитрий неопределенно шевельнул здоровой рукой. Ротный был не тем человеком, с кем он стал бы вести дружеские беседы.

Бар-Цион, не вынимая рук из карманов, потянулся, подавил зевок и негромко произнес:

– Мне понравилось... правда, давненько это было...

Дмитрий только понимающе кивнул. Еще бы ему не понравилось. Бар-Цион – редкостно везучая сволочь. Он просочился, словно вода между пальцами. Да еще не один, а с девушкой. Причем Рахель была старше его на восемь лет.

Интересно, подумал Дмитрий, было у них там что-нибудь..., уж наверняка Меир своего не упустил...

Ротный тем временем прошелся по камере, изучил отпечаток ботинка на потолке и вдруг бросил:

– Скольких из них вы убили?

– Думаю, троих... – ответил Дмитрий, – следопыта... парочку легионеров...

Бар-Цион помолчал, потом шагнул к кровати.

– Тебя ведь уже предупреждали, верно? Завтра скажешь, что выполнял секретное задание. Как обычно: патрули, пути снабжения, опорные пункты. Спросят о подробностях, свали на Двира, он сержант, из вас двоих старший по званию.

– Я понял, – кивнул Дмитрий.

– Молодец. – Ротный снова покачался с пятки на носок, – Ты не расслабляйся. Вернешься, огребешь сполна.

– Есть не расслабляться! – Дмитрий полушутливо вытянулся.

– До завтра, – бросил Бар-Цион и шагнул к двери. Пнул ногой гулкое железо. По ту сторону завозились, зазвенели ключами. Дверь приоткрылась.

Бар-Цион вдруг повернул голову к Дмитрию и подмигнул:

– Добро пожаловать в клуб!

Ротный плечом отодвинул полицейского и вышел в коридор.

Дмитрий снова откинулся на матрац. За окном стихали

привычные звуки военного лагеря. Интересно, мелькнуло в голове, сколько солдат дрыхло на этом драном тюфяке... ту-рецких, английских, теперь вот израильских...

Он почему-то вспомнил тот день, когда впервые услышал о Бар-Ционе. Их, совсем еще зеленых солдат НАХАЛ дернули в окопы прямо с сельскохозяйственных работ. Назревало очередное осложнение на границе с Сирией. Соседям не понравились работы по осушению озера Хула и окружающих болот.

Два дня с Голан в Галилею со страшным воем летели "чемоданы". Разрывы шарахали где-то позади, в тылу, откуда бухала в ответ батарея 155 миллиметровых гаубиц.

К вечеру второго дня все стихло. Сирийцы успокоились. Наутро Голанские высоты снова превратились в пасторальные холмы. Внизу, в долине камикадзе-кибуцники вывели в поля свои обшитые листами брони трактора и принялись наверстывать упущенное.

Пехота загорала в траншеях. Солдаты курили, травили байки, резались в карты и в шешбеш, гадали, когда их отпустят по домам. К полудню над позициями повисло невидимое напряжение. Забегали и засуетились офицеры. У штабного блиндажа блеснуло на солнце зеркало, кто-то торопливо брился. В тупиковом ответвлении траншеи, служившей полевым сортиром, мелькали лопаты, устраняя источник "благоухания".

– Зуб даю, – Адам ткнул Дмитрия локтем в бок, – началь-

ство едет. Ради кого-то другого хрен бы стали дерьмо при-
сыпать.

Никто с этим утверждением не спорил, но увидеть самого начальника генерального штаба они как-то не ожидали.

Даян неторопливо шел по обратному склону холма, скрытый от глаз сирийцев каменистым гребнем. Он что-то оживленно обсуждал с сопровождающими его офицерами. Единственный глаз живо поблескивал под козырьком фуражки.

Молодые солдаты с интересом пялились на генерала. И только взводный, сержант Арье Гнлад, в оригинале грузинский еврей Георгий Гатиашвили, а для близких друзей просто Гоша, сидел на снаряжном ящике и невозмутимо стругал ножом ветку оливы.

Когда Даян и сопровождающие офицеры скрылись в штабном блиндаже и солдаты начали расходиться, Гоша ухмыльнулся и проворчал:

– А ведь Бар-Цион когда-то обломал Даяна, да еще и при всем начальстве...

К сержанту молодые солдаты относились с уважением. Арье, то бишь, Гоша, был человеком бывалым, всегда имеющим в запасе какую-нибудь интересную историю. А тот факт, что сержанту довелось послужить в подразделении 101 под командованием людей вроде Арика Шарона, превращал его в глазах "молодых" в существо если не божественное, то, безусловно приближенное к Олимпу.

Вокруг сержанта сразу же образовался кружок слушате-

лей.

Тот сунул нож в ножны и продолжил:

– Случилось это внизу, у моста Дочерей Яакова. Года полтора назад. Даян тоже на позиции приехал. Шлялся по тропинкам, а рядом с нами остановился. И вдруг увидел орла в небе. Орел нарезал круги прямо над нами, красиво так... охотился, наверное. Ну и Даян решил поохотиться. Взял у меня "чешку", вскинул вверх.

Сержант поднял взгляд на слушателей и оглядел их внимательными карими глазами.

– И чего? – не выдержал кто-то.

– Ничего, – ухмыльнулся сержант, – Бар-Цион стоял рядом со мной, и вдруг шагнул вперед, винтовку Даяна за ствол сцапал и вниз опустил.

У Даяна единственный глаз чуть не выпал, а Бар-Цион ему, мол, не так уж много орлов в нашей стране...

Ну, Даян, как рявкнет: Фамилия!?!?!

Бар-Цион вытянулся и спокойно ему отвечает: Меир Бар-Цион.

Тут Даян сообразил, что если при всех ему всыплет, окажется в дурацком положении, ну и бросил только, мол, ты прав Бар-Цион. Вернул мне винтарь и пошел дальше.

Парни заулыбались, восхищенно зацокали языками.

На закате они с Адамом стояли на посту. Обсудили поступок Бар-Циона, сошлись во мнениях по поводу того, что у них духу бы не хватило у самого Даяна из рук винтовку

хватать.

Далеко внизу, подсвеченный багровым светом заката, чернел мост Дочерей Якова. Точнее то, что от него осталось.

На вопрос Дмитрия о названии моста Адам только пожал плечами. Он хоть и "сабра", но про мост слышал лишь, что в сорок шестом бойцы ПААБМАХа рванули его вместе с остальными в Ночь Мостов.

Когда-то мост был красивым каменным сооружением, но прошедшие века его сильно потрепали, центральный пролет обрушился. Потом на старые опоры уложили новые стальные балки с деревянными перекрытиями. Затем мост взорвали. То, что осталось от балок и настила бесполезно ржавело на противоположном сирийском берегу.

Дмитрию нравилось копаться в истории, узнавать о тех местах, где побывал. В этом Эрец Израэль сильно отличался от Советского Союза. Истории последних столетий здесь как бы и не существовало, стоило чуть копнуть, и ты сразу проваливался, словно в колодец, в глубину веков и эпох. Крестоносцы, персы, византийцы, римляне, иудеи, финикийцы, набатеи. Все переплеталось словно клубок ниток, при распутывании которого у Дмитрия всегда сладко ныло под ложечкой.

Название моста заинтриговало Дмитрия, да и заняться на посту все равно было нечем. С полчаса поломав голову они пришли к выводу, что без Торы здесь не обошлось. Адам даже вспомнил, что у Иакова вроде была дочь, но только од-

на. Проходивший мимо религиозный солдатик-связист факт подтвердил, вот только понесло солдатика, как на проповеди.

Дмитрий вообще-то был не против послушать. Когда учился в школе в Кфар Сабе, слишком плохо знал иврит, чтобы понимать уроки Торы, а позднее в кибуце Пятикнижие уже никто не вспоминал.

Адам же, послушав об изнасиловании дочери Иакова Дины и печальной участи жителей Шхема, начал откровенно зевать. А минут через десять он невзначай подошел к полемому телефону, покрутил ручку, подул в трубку, растеряно развел руками и сообщил солдатiku, что связи нет.

Тот фазу подхватился, и, попрощавшись, пополз из траншеи проверять провод. Адам тихонько воткнул отключенный провод обратно в телефон и пробормотал, что трындеть, мол, не мешки ворочать.

История с названием моста так и осталась без ответа.

Жук выбрался из-под койки, расправил крылья, немного погонял их на холостом ходу будто прогревал моторы, а затем взмыл в воздух. Пролетая мимо висящей на спинке стула парадной формы, он замедлил ход, словно изучая нашивки, но крылатый значок парашютиста его не заинтересовал, и жук плавно, с достоинством умчался в ночную тьму.

Сон не приходил.

Он подумал о матери. Она ведь до сих пор ничего не знает.

Да и не поймет наверняка. Отец, тот понял бы. Подумаешь – самоволка. Сам-то он отслужил от звонка до звонка, с сорок второго и по самый их отъезд, в пятидесятом. Война, потом служба в Германии, в Польше. Три ранения. Эх, батя, батя... как же так получилось...

Остаток ночи он пролежал без сна, пялясь в потолок. Даже мысли все куда-то делись. В голове было пусто.

Когда за окном посветлело, он встал, умылся. Военный полицейский принес ведро теплой воды, бритву и зеркало. Пока Дмитрий брился, он стоял рядом. Это был молодой улыбчивый парень, совсем не похожий на дежурившего ночью.

– Не бойсь, не зарежусь... – мрачно буркнул Дмитрий.

– Дык... инструкция... – парень улыбнулся, показав белоснежные зубы.

– В задницу твою инструкцию, – проворчал Дмитрий, – отвали, мешаешь.

Полицейский снова улыбнулся и отодвинулся к двери.

Побрившись, Дмитрий надел парадную форму, повязал галстук, одернул китель, тщательно натянул берет.

Сел на кровать, вытянув больную ногу.

Через четверть часа в дверях лязгнул замок, тот же полицейский заглянул и сделал приглашающий жест:

– Машина подана.

Грузовичок-"командкар" мирно тархтел мотором. Его подсадили, втянули в кузов под брезентовый тент. Двое кон-

войных сели по бокам.

Ехали не долго. Командкар остановился у большого блочного барака с часовыми у дверей. Чуть в стороне курила кучка офицеров. Он узнал мощную фигуру комбата и худощавую жилистую – ротного.

Его провели в зал, посадили за барьером между двумя полицейскими.

Вскоре снаружи послышалась возня, крики. Дверь распахнулась, на мгновение мелькнул взерошенный человек в капитанских погонах. На его плечах повисли двое полицейских, но он все равно отчаянно ломился в зал. Перекошенное гримасой лицо казалось блее, чем оштукатуренная стена.

– Пустите меня! – выкрикнул он.

На помощь полицейским подоспели еще двое. Совместными усилиями они выставили нарушителя спокойствия.

– Мой брат! – донеслось из-за дверей.

Дмитрий уныло свесил голову. Он узнал капитана, это был брат Двира. Ему-то чего здесь понадобилось? Он же все ему рассказал, еще тогда в госпитале...

Судьи, обвинитель и защитник расселись по местам. Скамейку первого ряда заняли его командиры: комбриг Арик Шарон, собственной персоной, командир батальона Давиди и ротный Бар-Цион.

Майор с эмблемой прокуратуры на шевроне, помещавшийся слева от судьи, поднялся на ноги и крикнул:

– Встать! Суд идет!

Апрель 56-го

*О, Набатя, ушедшая в небытиё,
Камни поют, – ударяясь о гулкие стены.
Вспомню во сне я лиловое небо твоё
В дальнем краю, где снега и дожди неизменны.*

А. Городницкий

Грузовик, взревывая двигателем полз по серпантину вниз, к Араве. Одной рукой Дмитрий цеплялся за борт, другой придерживал винтовку, а ногами прижимал рюкзаки и канистру с водой.

Поскрипывал ржавый кузов, в воздухе висел запах горячей резины и асфальта.

А вокруг... вокруг расстилался такой пейзаж, что захватывало дух. И хотя Дмитрий уже бывал здесь, восхищение переполняло его. Узкая дорога вилась по краю скалы. За обочиной, где-то там, на дне пропасти:, раскинулась во всей своей весенней красе ее Величество пустыня.

Насколько хватало глаз, лежало желто-коричневое пространство, изрезанное руслами пересохших рек, вспученное холмами и взгорками, обсыпанное, словно приправой, шариками верблюжьих колючек. Низкорослые редкие деревья с приплюснутыми кронами зеленели, призывая отдохнуть в тени. Воздух прозрачный и чистый пьянил как вино.

Грузовик парил над пустыней на одной высоте с птицами. Неохотно, поскрипывая железом, машина поплыла вниз. Дмитрий в душе порадовался, что полез в кузов на жесткие доски. Сейчас он мог вдоволь напиться всей этой прелести, не размениваясь на разговоры.

Когда они, наконец, спустились на равнину, грузовик сполз на обочину и встал. Водительская дверь открылась, и на асфальт выпрыгнул длинный нескладный сержант Рафи Медина.

Он потер спину, медленно распрямился, сощурился на солнце и объявил:

– Привал! Можно оправиться и закурить.

Дмитрий поднялся, разминая затекшие ноги. Постоял немного, переминаясь, и рывком перебросил тело через борт.

Приземлился он нос к носу с Двиром, вылезшим из кабины.

– Живой? – поинтересовался тот.

– Все путем... – успокоил Дмитрий, расстегивая ширинку. Они отошли к краю обочины, где уже журчал струей Медина.

Раскалившаяся за день пыль жадно впитывала влагу. Облегчившись, они еще немного попрыгали, размялись и снова полезли в машину. Место в кабине Дмитрию никто не предложил, да он бы и сам не согласился. В кузове куда красивее.

Вообще-то Двир мог бы поменяться, но это не в его ха-

рактуре.

Дмитрий уселся поудобней, уперся ногами и уставился на бегущие по небу облака.

Мелкая белесая рябь покрывала небо, словно поверхность моря, под легким бризом. Надвигался хамсин.

Парни в кабине над чем-то ржали, заглушаемые ревом двигателя. Пустыня монотонно неслась за горизонт. Однообразная и в то же время многоликая. То мелкий песок и пыль образовывали волны, то открывалась взгляду окруженная скалами расселина, на дне которой зеленели тамариски.

Он подумал о Двире. Никогда не поверил бы, что тот захочет присоединиться. Двир всегда был таким... как бы объяснить... не то, что бы правильным... положительным что ли. Двир никогда не сомневался, и если выбирал путь, то следовал по нему до конца. И ведь почти никогда не ошибался, сукин сын.

Он родился в Палестине и принадлежал к той особой породе зазнавшихся сабр, презирающих репатриантов и считающих, что они всем обязаны им, коренным палестинцам.

Впервые они встретились в учебном лагере бригады НАХАЛЬ. В палатке шумел сформированный всего лишь утром взвод. Парни знакомились, трепались, травили анекдоты.

Дмитрий валялся на койке в темном углу, приглядывался к новым сослуживцам, подсознательно выискивая "славян".

В палатке кипел водоворот культур и наций. Здесь были выходцы со всех концов света: тихие, молчаливые восточ-

но-европейцы, по которым страшным катком прошла Вторая мировая, шумные и независимые сабры – потомки первых репатриантов из России и Германии, диковатые йеменцы и иракцы, многие из которых впервые увидели электрическую лампочку здесь, в Израиле.

Сабры Дмитрия раздражали. Не все, конечно, были среди них и нормальные ребята вроде Адама, с которым они как-то моментально сдружились. Но часто попадались кактусы, как Двир.

В его манере держаться было нечто особенное. Уверенность в себе, неуловимое вызывающее высокомерие. Высокая, крепкая фигура, открытое лицо, густые черные волосы. Широко расставленные глаза. Упрямый рот.

Дмитрию нравилось классифицировать людей, находить в них общие черты и раскладывать по группам. Таких как Двир во взводе набралось человека четыре. Похожих манерами и поведением. Именно такие, словно сошедшие с одного конвейера, ассоциировались у Дмитрия с названием "сабры".

Двир, сидя на койке, о чем-то спорил с Саней, тихим пареньком родом из Западной Белоруссии.

Дмитрий почти не прислушивался, но одна долетевшая до ушей фраза вздернула так, словно кто-то плеснул за ворот ведро ледяной воды, – ... да ладно, – говорил Двир, презрительно морщась, – вы там, в Европе шли, как скотина на

убой. Если бы наши родители не победили здесь, и не основали Израиль, еще неизвестно, что бы с вами случилось.

Санек резонно возразил, что его отец воевал в дивизии имени Костюшко, и благодаря ему и миллионам других солдат, разбивших Гитлера, стало возможным создание Израиля.

– "Костюшко-Шмастюшко" – презрительно бросил Двир, – все это ерунда: мои братья воевали в Европе в Еврейской бригаде, вот где была настоящая война. Если бы не они, хрен бы вы сидели сейчас здесь в палатке и травили анекдоты.

Ну почему с сабрами каждый раз повторялась одна и та же история? Снова и снова Дмитрию приходилось слышать: "как скотина на убой". Он мучительно переживал, лез в бесполезные споры, ощущая себя Дон Кихотом, бросающимся на ветряные мельницы.

Почему именно себя местные считали победителями, спасителями остатков европейского еврейства? Они ничего не знали, да и не хотели знать ни о Сталинграде, ни о Ленинграде, ни о Курской дуге. Восточный фронт будто и не существовал вовсе.

Реплика Двира и Саню задела до слез. Он покраснел, сжал кулаки, соображая как бы ответить.

Дмитрий подошел и хлопнул его по плечу.

– Если бы не русские, – медленно и веско произнес он, глядя Двиру в глаза, – угробившие миллионы немцев и, в

конце концов, дошедшие до Берлина. – Если бы не Красная армия, – повторил он, – в которой воевали и евреи из России, Польши и других стран, вы бы здесь существовали в виде дымного облака над каким-нибудь местным Освенцимом.

Наверное, он не должен был так говорить, у многих солдат во взводе родители выжили в концентрационных лагерях, потеряв там большую часть близких, но сдержаться Дмитрий не мог. Обида жгла его изнутри каленым железом.

В палатке повисла мертвая тишина. Враждебные взгляды ощущались со всех сторон.

– Что ты сказал? – угрожающе проговорил Двир, приподнимаясь.

– Ты все слышал. – Спокойно ответил Дмитрий.

Двир был выше и явно сильнее его, но и Дмитрий знал себе цену, в эвакуации в Казахстане драться приходилось часто. На всякий случай он заранее прикинул, как бы половчее обрушить деревянную подпорку палатки.

Несколько солдат встали позади Двира. Однако и к ним с Саней подошли двое из "славян".

– Успокойтесь... – протянул Адам, в растерянности морща белесые брови.

– Зря ты это сказал... – угрожающе бросил кто-то, наматывая на кулак ремень.

Хриплый голос за спиной с сильным русским акцентом произнес:

– Тут дело принципа, наши отцы всю войну не за печкой

отсидивались...

Двир продолжал жечь Дмитрия взглядом так яростно, что тот начал подумывать, не ударить ли первым.

– Строиться!!! – заорал снаружи сержант, – Выходи строиться!!!

На этом конфликт угас, причем врагами они с Двиром не стали. Даже, наоборот, между ними возникло что-то вроде взаимной симпатии.

Грузовик трянуло на колдобине, Дмитрий открыл глаза. Пустыня все также величественно текла по обе стороны дороги. На востоке вырисовывались окрашенные розовым гребни гор. Солнце висело над ними, словно выбирая место для ночлега.

Стрелки на часах подползали к шести. Он заглянул в кабину. Двир дрых, уткнувшись лбом в панель. Медина курил сигарету.

Дмитрий стукнул в окно, и, подождав пока сержант оглянется, показал на часы.

Сержант закивал и помахал сложенными щепотью пальцами, мол, еще немного.

Вскоре на обочине показался ржавый и перекошенный, пробитый пулями указатель: "Беер Менуха".

Машина свернула с шоссе и запрыгала по проселку, дребезжа железом. Дмитрий вцепился в борт. Наконец Медина зарулил в узкую ложбину между холмов и заглушил мотор.

Тишина сразу ударила по ушам, навалилась, словно укрыла ватным одеялом.

После долгих часов проведенных в кузове под рев двигателя, Дмитрий подумал, что оглох.

Иврит вообще интересный язык, в чем-то похожий на русский, но одновременно и отличающийся. Дмитрий часто ловил себя на мысли, что для описания чего-либо подходит определенное ивритское слово, а на русском найти подходящий эпитет он затруднялся. Вот и сейчас, слово "тишина", или как говорят на иврите "шекег", совсем не подходило. Ощувив это глубокое, величественное безмолвие Дмитрию на язык само прыгнуло ивритское – "дмама".

Медина со скрипом распахнул дверь, ступил на землю, захрустев гравием. Каждый звук отчетливо разносился в воздухе, будто усиленный динамиками.

Дмитрий спрыгнул в красноватую пыль и огляделся. Склоны холмов подковой загибались вокруг. Он медленно обошел машину. Впереди зеленели два дерева похожих на акации. Между ними в розовом закатном свете белел кусок скалы с привинченным к нему листом железа.

Дмитрий приблизился.

На ржавом исцарапанном металле, стилизованном под свиток, были выбиты буквы:

Путник!

Ты видишь перед собой гряду Красных гор! Ясным днем можно разглядеть отсюда вершину называемую

арабами Джабель Арун.

В начале на скале находилась столица идумеев, не позволивших сынам израилевым пройти через свои границы. Позднее столица набатеев проложивших отсюда караванные тропы и "Путь благовоний" к берегам Средиземного моря. Пришли сюда и римляне, направившие караваны по другим, обходным тропам, что привело город к упадку. Последними жителями здесь были византийцы.

Пятерым отправившимся туда и не вернувшимся назад:

15.8.1953

Ги́ла Бен-Аки́ва (Друкер)

Арье Магер

Мириам Мундерер

Эйтан Минц

Яков Клифельд

Пятеро – любили они путешествовать по стране.

Пятеро – были они солдатами Войны за независимость.

В детстве, в дни Второй мировой войны, каждый поход граничил с опасностью. Но когда они демобилизовались, отдав долг стране, можно было безопасно путешествовать по дорогам Галилеи и южного Негева.

Вы исходили тропы и ущелья этой пустыни, но

решили заглянуть чуть дальше...

Дмитрий сдвинул на лоб широкополую армейскую панаму, поскреб в задумчивости затылок. Он много слышал про этих пятерых ребят, но сейчас на него словно дохнуло могильным холодом. А ведь тогда кто-то заметил их и настучал в полицию. Только пока полицейские из Эйлата добрались до Беер Менухи их уже и след простыл. Кто знает... задержись они немного, может, попались бы полиции и остались живы.

Дмитрий в тысячный раз спросил себя, зачем он "решил заглянуть чуть дальше" и в тысячный раз не смог найти ответа.

Он поднял глаза на холм. Обычная, ничем не выделяющаяся возвышенность, каких тысячи разбросаны по Негеву. На вершине кто-то сложил из камней пирамиду высотой с человеческий рост.

Дмитрий медленно побрел вверх. Влез на гребень и уселся на нагретый солнцем камень. Панорама отсюда и впрямь открывалась красивая.

Залитые кроваво-красным светом заката, уходили вдаль холмы, плавно перетекая в горы. Вместо границы тянулся внизу покосившийся местами перерезанный забор с колючкой поверху. Пыльный гриф, вытянув голую шею, что-то клевал на обочине.

Там, где, судя по надписи, находилась вершина Джабель

Арун, все тонуло в дымке. Диск закатного солнца плавал по верхнему краю мутной серой мглы, словно мяч по луже.

За спиной зашуршали шаги.

– Что, Фридман, – поинтересовался знакомый голос, – трусишь?

Вот же ершистый народ эти сабры, подумал Дмитрий, ну не могут без подначки.

Он помолчал, помедлил... и вдруг бросился Двиру на грудь, зачастил, запричитал скороговоркой, подпустив в голос фальцета:

– Двир, миленький, я не хочу, я боюсь, давай ты один сходишь, родненький, я тебя здесь подожду, я никуда не уйду, честное слово, я боюсь, мне страшно, не хочу, не буду, не пойду!

– Тьфу, черт! – Двир отпихнул его от себя, – Поверил было, думал ты и вправду зассал... Что ты за человек Фридман, все тебе шутки шутить.

Дык, не понимаешь ты, по-другому, подумал Дмитрий. Промолчал, сел обратно, уставившись вдаль.

Двир пинком пододвинул соседний камень и сел рядом. Медина тоже вскарабкался к ним и уселся прямо на песок. Сунул в зубы сигарету, но передумал. Ткнул ее обратно в пачку и вдохнул полной грудью.

Двир вдруг высвистал мелодию и тихо пропел:

"Там за пустыней, за горой,

Есть место, как о том гласит молва,
Откуда не пришел еще живой,
Зовут то место Красная скала..."

– Один живой все же пришел... – тихо возразил Медина, – точнее два: Бар-Цион и Рахель Бен Хорин.

Он помолчал и добавил:

– А теперь придут еще двое Двир и Дмитрий.

Вот так всегда, печально размышлял Дмитрий, он все это затеял, он разведал дорогу, он добыл карту, а Медина все равно первым назвал Двира. Нет, не стать ему своим среди них...

Солнце скрылось за горизонтом на три четверти. Дмитрий поднялся, закинул на плечо винтовку и сердито буркнул:

– Пошли, скоро стемнеет.

Шурша и оскальзываясь на сыпучем склоне, они вернулись к машине и принялись собираться. Очередной раз проверили каждую мелочь. По две фляги на брата, по пачке га-лет, мешок сушеных фиников с орехами, фотоаппарат, бинокль, фонарик, компас... Перешнуровали ботинки, нацепили краги. Дмитрий укрепил на рюкзаке моток веревки, проверил компас, глянул на карту, хотя знал ее наизусть. Двир подтянул ремень "узи". Ботинки они обмотали тряпками. Детская хитрость, но легионеров или неопытного следопыта с толку авось собьет.

Темнота обрушилась на них, как ястреб на добычу. Все моментально погрузилось в крошечную тьму. Подсвеченное, огоньком сигареты лицо Медины реяло во мгле, словно маска какого-то бесплотного огненного божка.

Закончив приготовления, вся троица снова вскарабкалась на гребень. Постояли молча, думая каждый о своем.

– Пора, – сказал Дмитрий. Они спустились и направились к забору. Все тот же гриф, завидев их, хрипло каркнул, хлопал крыльями и взлетел.

У самого забора Медина хлопнул их обоих по спинам:

– Удачи, пацаны. Адам с ребятами приедут завтра ночью и будут ждать два дня. Сигнал, как договорились, три выстрела.

– Бывай, Рафи... – попрощался Двир. Дмитрий ограничился рукопожатием.

Две тени бесшумно растворились во тьме. Они отделились метров на двести, когда взревел позади мотор, свет фар мазнул по холмам. Медина двинул свой агрегат в обратный путь.

"Там за пустыней, за горой, Есть место, как о том гласит молва, Откуда не пришел еще живой..." – шептал Дмитрий, нащупывая в кармане обойму с тремя заранее подготовленными патронами.

Сентябрь 51-го

Учитель истории господин Циммерман напоминал цаплю, вышагивающую по болоту в поисках лягушек. Долговязый, худой и длинноносый он выхаживал перед доской, глядя под ноги, периодически обводя указкой очередное место, на карте.

– Люди всегда селились на берегу моря. Одни поселения разрушались или уничтожались, на их месте возникали другие. Но первыми, пожалуй, на наших берегах обосновались финикийцы. Недавно два израильских археолога, Бен-Дор и Кахане, проводили раскопки на берегу рядом с Герцлией. Там где находятся руины крепости крестоносцев. Они обнаружили развалины большого города, по ним, как по книге, можно прочитать его историю, от создания, до забвения.

Циммерман откашлялся, вытер платком лоб и продолжил.

– Сначала финикийцы построили на берегу порт, назвав его Решев, в честь одного из своих богов. Затем здесь появились греки, изменившие название в честь своего бога Аполлона. Упоминает город и Иосиф Флавий, описывающий эпоху Александра Яная. Судя по найденным остаткам римских домов и богатых вилл, эти господа появились здесь во времена хасмонеев. Во времена Византии город получил новое название – Созуса, археологи пишут, что это был наиболь-

ший расцвет города.

Густой душный воздух вдавливался в класс сквозь открытые окна. Кто-то из детей слушал с интересом, кто-то позевывал. А два оболтуса на последней парте, Бузагло и Шапиро, откровенно дремали.

Дмитрий же ловил каждое слово. Если слово попадалось незнакомое, он пихал локтем соседа по парте и загадочно-дружко болгарина Миньку, тот растолковывал значение, пользуясь набором из русских и болгарских слов.

– Затем в город пришли персы, а еще позднее арабы принесшие новое название – Арсуф. И наконец, к началу второго тысячелетия нашей эры здесь появились крестоносцы. Захватив город, они в очередной раз сменили его название, на этот раз он стал называться Ар сур.

Поначалу крестоносцам удалось добиться значительных успехов, они захватили и контролировали огромные территории от современного Айвана до берегов Красного моря. А Рене Де Шатильон однажды предпринял поход на Мекку и Медину, и только предательство проводников бедуинов спасло эти святыне для мусульман города. Захватили они и Петру, этот потрясающий воображение город, вырубленный в скалах посреди пустыни.

Звонок загрохотал, разгоняя духоту жаркого дня.

– Расскажите про Петру! – потребовали сразу несколько голосов, пробирававшемуся к выходу историку. Но Циммерман только отмахнулся: – Напомните на следующем уроке.

Минька грохнул портфелем об парту и заявил:

– Ты как хочешь, а я смываюсь. Нет у меня больше сил на это мучение.

Последним уроком шел "сефруг", то бишь, литература. Дмитрий мало что понимал из рассказов училки, миниатюрной строгой женщины говорившей на слишком высокопарном для его понимания языке.

– Я тоже сваливаю, – буркнул он Миньке, – есть одно дельце.

Минька ухмыльнулся и хлопнул его по плечу:

– Приходи потом на наше место.

Дмитрий кивнул. Собрав сумку, он вышел из класса, спустился на первый этаж и шагнул во двор, внимательно глядя по сторонам, чтоб не нарваться на литераторшу. Не приведи господь, заметит, занудит до смерти.

Обогнув школу, он оказался у маленькой дощатой пристройки. Обшарпанная дверь была приоткрыта, изнутри тянуло крепким табачным духом, звонко шаркал по металлу напильник.

Дмитрий два раза стукнул в растрескавшиеся доски и толкнул дверь.

Дядя Саша стоял к нему спиной, склонившись над тиска-ми, и что-то мастерил. Из зажатой в зубах трубочки поднимался едкий дымок. Курил дядя Саша какой-то ядреный самосад.

Пристройка была тесно заставлена поломанными парта-

ми, стульями и досками, в единственном свободном углу стоял верстак и висели на гвоздиках инструменты. Ну и еще картинка из немецкого журнала под стеклом в рамке.

– А-а-а, протянул хозяин, оглянувшись, – Димон-охламон... опять прогуливаешь?

– Ну, я..., покраснел Дмитрий, – последний урок только... не лезет в меня этот "сефрут".

– Не лезет, значит, не лезет..., – дядя Саша отвернулся от верстака, уселся на стул, пристроив на соседний культю с деревянным протезом.

Выколотив трубку, он сунул ее в карман и уставился на Дмитрия живыми синими глазами.

– Садись, вон там стул целый, рассказывай, как жизнь?

– Да все по-старому... Дмитрий пожал плечами и уселся.

– Как мать? – поинтересовался завхоз.

– Ничего вроде, спасибо. Я пойду, поработаю.

– Вон там твое хозяйство, – дядя Саша ткнул рукой в сторону прислонённой к стене, вспученной и рассохшейся грифельной доски и принялся набивать свою трубочку.

Дмитрий извлек из-за доски ведро, кисть и холщевый мешок, кивнул завхозу:

– Спасибо.

– Валяй, Димон! – Дядя Саша протянул ему крепкую мозолистую ладонь, – Заходи еще, поболтаем.

Дмитрий вышел на притихший школьный двор. Урок уже начался. Подойдя к умывальнику, он плеснул воды в ведро.

Клей быстро размок, он тщательно размешал его кистью, потом закинул на плечо мешок и выскользнул со двора.

На пустой улице умывалась, облизывая лапу, кошка. Бездонное небо слепило синевой. Жара стекала вниз на черепичные крыши домиков, на плиты тротуаров.

Первая тумба для объявлений находилась прямо за углом. Дмитрий подошел, щедро мазнул кистью, достал из мешка лист, приложил и разгладил. Шагнул назад, полюбовался. Кривовато, но переклеивать он не стал – много чести.

Объявление извещало обо всех видах ремонтных работ, побелке, покраске и шпаклевке. Обращаться следовало к братьям Леви по адресу: улица Ха-Шарон, угол Ха-Пардес или по телефону.

Платили братья Леви не очень щедро, но и на том спасибо. За обклеенную центральную улицу выходило пол лиры. А за прилегающие улочки и переулки еще половина. Какая никакая, а помощь матери.

Работал Дмитрий на автомате: мазок – прилепил, разгладил. Следующий. Специальные доски или тумбы для афиш и объявлений попадались редко, в основном приходилось клеить на столбы, заборы, кое-где на стены домов.

Работа умственных усилий не требовала, так что, помахивая кистью, Дмитрий размышлял о всяком разном.

Сегодня, например, думал о дяде Саше. За тот год, что они прожили в Кфар Сабе, он сблизился всего-то с тремя людьми: с Минькой, с братом его Борисом, да вот со школь-

НЫМ ЗАВХОЗОМ.

Дмитрий любил сидеть в подсобке, наблюдать, как тот чинит столы, стулья и всякую другую всячину, поломанную неумными учениками. На запястье играла, словно живая, хитро наколотая татуировка "Саня". Да и поговорить на родном языке приятно.

Завхоз, как оказалось, к еврейству отношения вообще не имел, если не считать пацанов-дружков среди пяти десятков еврейских семей в родной деревне где-то под Пинском. Отец его был русский, мать белоруска. Жила семья в нищете, ба-трачили на тех, кто богаче.

За год до войны дядя Саша женился, хотели детей завести, да где там, за душой-то ни гроша. Красную армию встретили приветливо. Во-первых, защита от немца. К тому времени потекли уже через их места беженцы, а с ними и слухи тревожные и страшные.

Ну а во-вторых, советские товарищи бедняков не трогали, наоборот, даже назначали на разные должности. Жить при новой власти чуть стало полегче. Правда, всех, кто с запада от немца бежал, да в деревне осел, увезли куда-то. Из зажиточных тоже кое-кого забрали.

В округе затеяли строительство сразу трех военных аэродромов. Деревенским, кто на стройке подрабатывал, платили неплохо. Дядя Саша тоже пошел. Денег немного скопили. Родили, наконец, ребеночка. Окрестили Михасем. Жизнь налаживалась.

Местные продавали бравым военлетам бимбер, сало. Махали в небо юрким краснозвёздным ястребкам, да грозили исподтишка кулаком на запад, суньтесь-ка, рискните.

И сунулись, будь они неладны. Загрохотало под утро, запылохало сразу с трех сторон. Зазвенели в хатах окна.

До темноты чадили на разбитых аэродромах черные переломанные остовы. Летчики и обслуга повозились еще денек, покопались на пепелищах, разобрались по своим грузовикам и мотоциклеткам, да потянулись на восток, под полными растерянности и обиды взглядами местных.

Повестку дядя Саша еще до войны получил, аккурат на середину августа, а тут какой уж август. Двинул следом за летчиками в Пинск, в военкомат. Потом долго уходили они на восток, то растворяясь в орущих, мычащих, плачущих толпах беженцев, то вновь собираясь вокруг сопровождающего их старшины, еще не солдаты, но уже не гражданские. Справа и слева ревели танковые моторы, тарахтели мотоциклетки. Вспыхивала и угасала стрельба. Иногда показывались серые силуэты танков, укутанные в клубы пыли.

Где-то в районе Чернигова им, наконец, выдали форму, винтовки и отправили в тыл, в формировавшуюся дивизию.

Потом, уже, выздоравливая после очередного ранения, подвизался он при штабе армии. Писарь знакомый помог, с которым вместе из-под Пинска от немца драпали. Писарь-то рассказал и даже показал на карте, что наступавшую в их секторе группировку немцев задержала Брестская крепость.

Тем стоявшим насмерть солдатикам, что в крепости полегли, и были они с писарем, скорее всего, обязаны жизнью. Тогда и поселилась в его вещмешке вырезанная из трофейного журнала фотография непокорных Брестских бастионов.

Всю войну прошел дядя Саша, до сорок пятого. Был танкистом, самоходчиком, водителем. Три ранения. В Восточной Пруссии отвоевался. Накрыли их из минометов. Ему ногу и отчекрыжило повыше колена.

Подлечился, война кончилась, сунулся было домой, а там пепелище. Как по писаному все: враги сожгли родную хату, убили всю его семью...

Уцелевшая в партизанах теща председателя рассказала: мол, немец, как пришел, для начала тех пятьдесят еврейских семей в ближайшей балке из пулеметов покрошил.

А через восемь месяцев и деревню всю спалили к чертям вместе с жителями, мстя за подорванный у моста через Пину эшелон с ранеными.

Старуха нацедила ему стакан мутной самогонки, за упокой душ невинно убиенных, да проводила восвояси.

Идти было некуда, он бесцельно скитался по стране, пропивая, полученные при списании со службы деньги. Страна-то огромная, а дома родного нет. В Ташкенте узнал, что полякам-беженцам в Польшу разрешают репатриироваться.

В душе чернела полная отрешенность и равнодушие. Куда ехать, значения не имело, хоть к черту в пекло. Он и поехал.

Но в Польше не задержался, познакомился с сионистами,

и, не задумываясь, двинул дальше, в Палестину. Про национальность никто особо не расспрашивал, в душу не лез, слишком свежими и кровоточащими были в душах у людей оставленные войной раны, чтобы теревить их расспросами. А он при разговоре вставлял словечки на идише, может, потому его и записали, не придираясь. Вообще-то записывались многие: поляки, русские, чехи. Было в этом порыве что-то светлое, дающее надежду. Надежду выбраться из перемолотой войной Европы, где топтались миллионы опаленных войной людей, начать все сначала, в другом незнакомом месте.

Сначала поездами и автобусами их переправили в Италию. А там на пароход. В трюмах – ящики с винтовками и патронами, на палубах – эмигранты.

В армию его загребли сразу по приезду, несмотря на ногу, точнее на ее отсутствие. Опытных инструкторов не хватало, а он танкист с боевым "стажем", хоть и инвалид.

Танков у евреев имелось раз, два и обчелся. Меньше десяти. Пара "Кромвелей", "шерман" и "гочкисы". Числилось все это хозяйство аж в двух бронетанковых ротах. "Кромвели" с "шерманом" в англо-саксонской, а "гочкисы" в славянской роте. У англосаксов все больше ветераны союзных армий подобрались, а у славян – бывшие красноармейцы, да поляки из дивизии Костюшко.

Гочкисы оказались жуткими постоянно ломающимися колымагами с тонкой клепаной броней и слабым вооружением.

Однако каким-то чудом египтян они уделали.

Кончилась война, и опять нужно было как-то устраиваться, искать свое место в жизни. Помог командир взвода на гражданке – учитель географии, устроил к себе в школу завхозом.

Трофейная же журнальная вырезка кочевала вместе с владельцем, сменила вещмешок на фанерный чемодан, потом на вещмешок, другой армии и, в конце концов, уже порядком выцветшая и затертая на сгибах утвердилась на стене подсобки, в чинной рамочке, под стеклом.

Такую вот жизненную историю Дмитрий выпытал у завхоза, заодно и про Брестскую крепость услышал впервые.

Ну и свою историю завхозу поведал, хоть и была она не в пример проще, да и короче.

Про Питер, про Блокаду, про эвакуацию... ну и остальное, про поездку к отцу в Польшу и про то, как отца нашли рядом с расположением части с ножевой раной в сердце. Как выяснило следствие, раскрывшее все довольно быстро, подкараулили советского капитана-танкиста двое бывших АКовцев, когда тот возвращался из города. Выразили, так сказать, протест против присутствия советских войск на польской земле.

Мать, однако, этот удар судьбы с ног не сбил. Получив в части отцовские вещи, отыскала она письмо, которое батя написал на всякий случай, нехитрым шифром, только им с матерью понятным. Через письмо мать и вышла на тех, кто переправлял из Европы в Палестину уцелевших евреев и им

сочувствующих.

Так перекечевали они из-под Познани в Кфар-Сабу, где мать устроилась на обувную фабрику. Заказы шли потоком, Болгария заключила с Израилем бартерный договор, по которому поставки обуви оплачивались болгарским луком. Все бы ничего, да только в последнее время начались у матери проблемы со здоровьем, то ли из-за работы в цехе, то ли из-за климата.

Доктор посоветовал переехать куда-нибудь на север, сменить обстановку. Но мать не торопилась. Не получалось подыскать место. Без мужа, да с двумя детьми не очень-то поскачешь.

Дмитрий тряхнул головой, пытаясь сосредоточиться. Ляпнул клея на телеграфный столб и сунул руку за очередным объявлением. Рассохшийся столб торчал криво, напоминая кладбищенский крест. Здесь заканчивалась улица, а вместе с ней и город. Тянулись вдаль поля, за которыми подрагивали в послеполуденном мареве минареты арабской Джальджулии.

Дмитрий повернулся и зашагал обратно, удовлетворенно поглядывая на обклеенные рекламой братьев Леви столбы.

За два квартала до дома он привычно заглянул в переулок, откуда доносилось размеренное постукивание молотка. В переулке, в тесной деревянной будочке работал сосед Фридманов сапожник Яков.

– Привет Яшка! – поздоровался Дмитрий. Яков был родом из Бухары и по-русски говорил вполне сносно, хоть и с комичным акцентом.

– М-м, – промычал Яшка, сквозь зажатые зубами гвозди.

– Как там наши туфли?

– Погодь... – промычал сосед. Он осторожно воткнул гвоздь в одетый на сапожную "лапу" ботинок. Взял молоток и одним четким ударом вбил гвоздь в подошву. Работал он одной правой рукой. Левая, безжизненная и усохшая висела вдоль тела. В сорок седьмом, охраняя конвой, где-то по дороге в Бен Шемен, Яшку угораздило поймать плечом очередь из "брена". Две пули не причинили особого вреда, одна скользнула, оцарапав кожу, вторая прошла навывлет, вырвав кусок мяса, а вот третья понаделала дел. Лрабы, расстрелявшие машину, доставлять Яшку в больницу не торопились, ну да спасибо, что не убили. Начались осложнения, и рука потеряла чувствительность и возможность двигаться.

Будучи по натуре оптимистом, Яшка научился управлять своей одной рукой получше, чем некоторые двумя. Главное, голова цела, приговаривал он.

Покончив с гвоздем, сапожник достал из-под прилавка газетный сверток.

– Спасибо, – поблагодарил Дмитрий.

Яшка что-то промычал в ответ.

Закинув домой рабочий "инвентарь" и, отмыв руки, он

побежал на их с Минькой обычное место встречи.

"Место" находилась на крыше старого сарая, сплошь окруженного апельсиновыми и лимонными плантациями. Скат крыши защищал их от послеполуденных солнечных лучей. А еще, отсюда прекрасно просматривался маленький военный лагерь, скрытый среди деревьев.

Лагерь, как лагерь: пара палаток, вышка, барак, несколько автомашин и прицепов. Внимательный наблюдатель отметил бы необычные обтянутые сеткой кузова машин, услышал бы доносящийся изнутри непонятный шум. Да и солдаты, разносящие по прицепам семена и приговаривающие: "гуль... гуль... гуль..." тоже выглядели не совсем обычными.

Это была база войск связи, подразделение воздушной голубиной почты.

Однажды мальчишки набрались смелости, и подошли к забору. Какой-то солдат заговорил с ними и даже принес почтового голубя, показать.

Голубь смахивал на обычного уличного, но поперек крыльев у него темнели две полоски, да еще одна на хвосте. Грудь выдавалась вперед более выпукло. Эти признаки, да еще характерный светлый горбик у основания клюва, выдавали в нем особого голубя, почтаря.

"У него и сил побольше, чем у обычных голубей, – объяснял солдат, – мах крыльев чуть не вдвое сильнее".

Голуби напоминали Дмитрию ту, прошлую, довоенную жизнь. Он хоть и был тогда совсем маленьким, но помнил

повальное увлечение ленинградских мальчишек голубями.

Им нравилось сидеть здесь, следить за солдатами, за птицами, лениво трепаться, лопать цитрусовые. Чистить апельсины они ленились, просто резали их на четыре части перочинным ножом, обгрызали корки и швыряли вниз.

Дмитрий влез на крышу, и уселся рядом с товарищем, свесив ноги.

– Ты бы хотел стать археологом? – поинтересовался Минька.

Общались они на жуткой смеси русских и болгарских слов, с редкими вкраплениями иврита, но друг друга вполне понимали.

– Представляешь... – продолжал Минька, – приезжаешь в какую-нибудь дыру, копаешь, копаешь и вдруг: хлоп, находишь древний город.

– Или копаешь, копаешь и ни хрена не находишь. – Настроение у Дмитрия в тот день оставляло желать лучшего.

– Тоже бывает... – философски согласился Минька, разделявая очередной апельсин.

– Что ж с крепостью делать... – тоскливо протянул Дмитрий, – где ж ее искать?

Крепостями мальчишек заразил историк Циммерман, организовавший школьную экскурсию по разным интересным развалинам.

Дмитрий и Минька сговорились отыскать остатки како-

го-нибудь замка, никому не известного, а потом рассказать о нем на уроке истории.

Друзья облазили все окрестности их родной Кфар Сабы и соседних поселков, заглянули в арабскую Джальджулию, исходили русло и притоки Яркона, но кроме развалин водяной мельницы, и заброшенных английских ДОТов ничего не нашли.

– Может, Бориса попросим? – предложил Минька помощь старшего брата, – он нас подвезет.

Борис занимался доставкой овощей, товар он развозил на собственном ржавом "шевроле".

– Куда?

Минька уныло пожал плечами.

Минут десять друзья молча жевали. Наконец Минька поднял голову.

– Знаешь... а меня есть идея.

– Ну, валяй. – Дмитрий с интересом посмотрел на приятеля.

– Если англичанам так важно было охранять мосты через Яркон, значит и крестоносцы их в свое время как-то охраняли. Замок не ДОТ, его куда попало не воткнешь. Надо искать где-то там, у истоков реки.

– А что, – поддержал Дмитрий, – В случае чего оттуда можно по реке до Яффы сплыть, да и Циммерман рассказывал про Древний караванный путь на Иерусалим где-то в тех местах. Пряности там и все такое...

– Завтра? – подмигнул Минька.

– Завтра! – Дмитрий согласно хлопнул друга по спине, –

Если мать разрешит...

Мать разрешила. Даже снабдила бутербродами в дорогу.

Когда Минька свистнул под окном, Дмитрий уже натягивал ботинки.

Они вышли из города и зашагали на юг в сторону Петах-Тиквы. Достигнув Яркона, двинулись вдоль реки шагая по полям и апельсиновым плантациям, пробираясь сквозь камышовые заросли. Здесь лежали руины водяной мельницы, брошенной арабами в 1948-м, рядом возвышался мавзолей какого-то мусульманского святого.

То и дело попадались насосные станции, подававшие воду на поля. Река здесь дробилась на протоки, разбегающиеся и сливающиеся среди камышей и осоки.

Они миновали баптистский дом сирот: ветхий трехэтажный особняк и маленькую скромную церковь.

Дальше начинались болота, где в прошлые разы мальчишки поворачивали в обратный путь. На юг тянулись посадки эвкалиптов, с помощью которых, как им объяснили в школе, министерство сельского хозяйства пыталось эти самые болота осушить. Где-то за эвкалиптовыми рощами раскинулся Рош Ха Айн: унылые однообразные ряды жестяных и деревянных барачков, заселенных репатриантами из Йемена.

Удача улыбнулась им, когда они устало брели по краю

рощи, разглядывая ярко-желтые головки лилий, сплошь покрывающие заболоченные заводы. Впереди, среди деревьев вдруг забелели какие-то постройки.

А когда они подошли ближе, отчетливо увидели выступающие из леса башню и стены.

– Ура!!!! – заорал Минька и побежал вперед. Дмитрий рванул следом.

Крепость оказалась довольно большой, в форме правильного квадрата. Три полуразрушенные башни возвышались по углам, от четвертой башни уцелело лишь массивное основание. Со стены открывался шикарный обзор на всю округу. В отцовский бинокль отчетливо просматривались однообразные бараки Рош Ха Айна, утопающие в океане цитрусовых деревьев домики Петах Тиквы. На востоке карабкались в гору, налезавшие друг на друга постройки арабского села Кфар Касем.

Из ложбины между холмами, южнее Рош Ха Айна, столбом поднимался белый дым, гулко бабахали какие-то то ли взрывы, то ли удары.

– Каменоломня, – предположил Минька, оторвавшись от окуляров.

– Похоже на то, – согласился Дмитрий.

Они облазили крепость и окрестности, обнаружив в роще много интересного. Здесь находился какой-то заброшенный завод с большими бетонными отстойниками. На крыше главного здания торчал неизбежный ДОТ английской постройки.

Рядом с заводом зеленели палатки, обнесенные изгородью из колючей проволоки. Несколько солдат играли в волейбол, натянув вместо сетки веревку.

Мальчишки искупались в заводи и тронулись в обратный путь. Солнце повисло над верхушками эвкалиптов.

На улице у Минькиного дома Борис мыл свой тарантас.

– Чего это у него? – поинтересовался Минька, – На лобовом стекле?

И действительно изнутри на лобовом стекле белела бумажка: буква "бег" в черной рамочке.

– Здорово, орлы! – Борис говорил по-русски чисто, почти без акцента, сказывались военные годы, проведенные в партизанах, с советскими разведчиками.

– Мы замок нашли! – похвастался Минька.

Борис швырнул тряпку в ведро и распрямился.

– Замок, говорите... – он потянулся, так что мышцы забугрились под грязной майкой, – а я завтра утром в Тель-Авив еду, хотите со мной прокатиться?

– Угу, – усмехнулся Минька, – Иерусалим уже посмотрели!

– Тьфу! – Борис выудил из ведра тряпку и принялся тереть облезлый бок "шеви", – подумаешь, влипли, с кем не бывает?

– А это чего за хреновина? – Минька ткнул пальцем в наклейку.

– Это, – буркнул себе в бороду Борис, – экономия бензина. Теперь каждому автомобилю один день в неделю запрещено

ездить. Он смачно сплюнул под ноги и тоскливо добавил: – Нам вот, понедельник достался...

Распрощавшись с братьями, Дмитрий зашагал домой.

С Иерусалимом действительно получилось целое приключение. Борису понадобилось зачем-то поехать в те края и мальчишки, сбежав с уроков, присоединились.

Они немного покатались по Иерусалиму, а потом Миньку осенила идея поглазеть на Кнессет.

Сказано-сделано, покрутились на площади Циона, поглядели на невзрачный трехэтажный дом, где заседали парламентарии, на полицейских у дверей, на расфуфыренную публику в кафе "Вена".

А на обратном пути, отъехав от площади всего метров на сто, застряли в пробке. Улицу запрудила толпа. Дмитрий с Минькой влезли на крышу фургона и поняли, что торчат они посреди огромной демонстрации.

Над головами плыли транспаранты и плакаты с непонятными лозунгами:

"Не забудем, не простим!" – прочел Дмитрий на одном из транспарантов.

Минька прочел на другом: "Не забудем Бабий Яр!".

– Чего это они? – поинтересовался Борис у водителя соседней машины, так же застрявшей в сплошном человеческом море.

– Вы что газет не читаете? – спросил тот, перекрикивая рев толпы, – Демонстрация против немецких репараций.

Люди пробивалась к дверям Кнессета, туда, где чернели мундиры полицейских.

В толпе скандировали, орали, вдруг притихали, прислушивались к речи кого-то влезшего на ящик и размахивавшего руками.

В какой-то момент поведение толпы изменилось, крики стали более агрессивны, лица стали злее. У дверей закипела драка, мелькнули полицейские дубинки и палки демонстрантов. Полетели булыжники, зазвенели стекла.

– Влипли... – помрачнел Борис.

Люди рекой текли мимо них. Какой-то важный толстяк в кепке подскочил к Борису и заорал, брызгая слюной:

– Вы чего здесь прячетесь, вам, что дела нет!?

Борис, молча, схватил толстяка лапищей за грудки, притиснул к себе, а потом вдавил в дощатый борт "шевроле", глаза толстяка округлились, но этого Борису показалось недостаточно и он второй лапищей ткнул жертву в подбородок, так что тот стукнулся затылком о доски и кепка свалилась под ноги.

Сделав зверские глаза, Борис для убедительности выждал секунд десять, а потом прошипел:

– Вали отсюда пока кости не переломал! Понял?

Толстяк лихорадочно закивал. Борис ослабил хватку и тот плавно осел на мостовую, нашарил кепку, нетвердо поднялся

и втиснулся в толпу.

Им пришлось проторчать в Иерусалиме до поздней ночи, но поездка выдалась познавательной во всех смыслах.

Фридманы снимали одну комнату в двухэтажном доме в конце улицы Ха Шарон. Дом был относительно старый, да и бесчисленные поколения квартиросъемщиков отнюдь не способствовали сохранности.

Дом, как впрочем, и соседний, принадлежал немецкому еврейю господину Тристану Шульцу.

Старые Рубинштейны со второго этажа и "Косая" Элишка из однокомнатной помнили Шульца еще с довоенных времен, как улыбчивого пожилого человека, всегда щегольски, с иголочки одетого, фанатично пунктуального, настоящего "йеки".

Однако, Фридманы застали опустившегося неряшливого старика, вечно что-то недовольно брюзжащего. Хотя, в общении с ним все еще ощущалась былая воля и характер.

О причинах столь резкой метаморфозы, Дмитрий узнал от соседей. Сыновья. Оба младших Шульца погибли: один на Русской высоте в Гуш Эцпоне, другой – при штурме Бейт Махсира.

После войны Шульц отошел от дел. На деньги, получаемые от квартиросъемщиков, они с женой доживали безрадостный век в собственной вилле, с красивой круглой террасой, выходящей на цитрусовые плантации.

Раз в месяц Шульц, облачившись в костюм, лично обходил владения, общался с квартирантами и собирал деньги. Жильцы любили домовладельца. При всей своей брюзгливости и напускной строгости, цену за съем он брал вполне божескую, при нужде легко соглашался на отсрочку, а бывало, прощал долг.

Дмитрий открыл калитку и взбежал на крыльцо. Яшкина жена Малка мыла пол. Яростно шлепала тряпка. Струйки грязной воды вытекли в коридор через распахнутую дверь.

Он толкнул дверь, и сразу увидел на вешалке шляпу. Шляпа была мужская, дырчатая, с лентой вокруг тульи. Из комнаты доносились голоса. Дмитрий вошел. За столом сидели мама и старый Шульц. На скатерти стоял чайник, опустевшие чашки, кусочки шоколада в обертке, с которой таранилась пятнистая корова.

Зюня возил под столом деревянную машину.

– Димочка, садись, – мама показал на свободный стул. Дмитрий сел и поздоровался.

– Господин Шульц помог нам, наконец, устроиться в кибуц, – продолжала мама по-русски.

Услышав слово "кибуц" Шульц улыбнулся:

– Кибуц Дан, на севере, там живет мой брат, вам там понравится.

– Спасибо, – поблагодарил Дмитрий.

Шульц грузно поднялся:

– Не стоит благодарности, мы должны помогать друг другу.

Урок истории был последним. Друзья с нетерпением ерзали за партой. Дмитрий уже поделился с товарищем новостью о переезде в кибуц. Минька слегка загрустил, но поразмыслив, пообещал приехать в гости.

Наконец наступило время последнего урока. Историк Циммерман вошел в класс и поздоровался. Минька тут же поднял руку.

О походе отчитывался он, Дмитрий помалкивал, его иврит был еще слабоват для таких публичных выступлений.

Выслушав Миньку, господин Циммерман улыбнулся:

– Вы молодцы, но вынужден вас огорчить, крепость, которую вы посетили, построили турки османы, они называли ее Бинар Баши, видимо от искажённого арабского Пинар Баша – "главный исток". Так что крестonosцы тут не причем.

Дмитрий и Минька загрустили.

Циммерман заложил руки за спину и прошелся вдоль доски, взял указку, завертел в пальцах. Обычно с этого жеста начиналась какая-нибудь интересная история.

"– Так вот, – продолжил историк, – вообще-то исток Яркона всегда играл в истории важную роль. Здесь проходили древние караванные пути из Египта в Сирию. Здесь находился город Афек, упоминающийся в Торе, а позднее, в римско-византийский период на его руинах возник другой город

Антипатрис. Из его камней турки и построили крепость. Всю прибрежную равнину, раскинувшуюся перед холмами Самарии, покрывали болота. А в районе Антипатриса оставался сухой и пригодный для продвижения стратегический проход вглубь страны и дальше в Сирию. Кстати, англичане во время Первой мировой войны не решились пересекать эти болота и захватили только побережье. Естественно, проход требовалось охранять..."

Господин Циммерман так увлекся, что налетел на все еще стоявшего у доски Миньку, и удивленно воззрился на него, выныривая из глубины веков.

– Садись на место... – отпустил он Миньку и продолжил – Если бы вы прошли немного на восток, вы наткнулись бы на большую каменоломню.

– Точно! – восторженно воскликнул Дмитрий, вспомнив облако пыли над холмами, мы ее в бинокль видели.

– Если бы вы добрались до туда, непременно обнаружили бы еще одну крепость. Крестоносцы называли ее Мирабель. Хотя укрепления там строили задолго до крестоносцев, это место упоминает еще Иосиф Флавий. Крепость переходила из рук в руки, за господство над важным проходом крестоносцы дрались и с мусульманами и между собой, до тех пор, пока воины Бейбарса не поставили точку в этой истории, утвердив над донжоном зеленое знамя пророка. Война за Независимость так же не обошла ее стороной. Местность вокруг крепости занимали иракские войска, и пальмахникам

пришлось потрудиться, выкуривая их.

– А расскажите про Петру! – вдруг попросил Дмитрий, – вы на прошлом уроке обещали!

– Петра... – произнес историк, словно пробуя это слово на вкус, – Петра была столицей Наббатеяского царства. Потрясающий город, высеченный в красных скалах. Мне довелось побывать там незадолго до войны, в 38-ом. Петру невозможно описать словами, ее нужно увидеть. Целый город в пустыне, со своими зданиями, храмами, бассейнами, амфитеатром. Система каналов и акведуков накапливала воду, собирая ее в резервуары.

– Но, – историк развел руками, – поговорим о наббатеях в другой раз. А сейчас откройте учебники.

После уроков Дмитрий побрел в подсобку. Больше всего в будущем переезде его расстраивала мысль о расставании с завхозом. У него в подсобке всегда можно было отсидеться, поболтать на русском, спросить совета.

Из-за двери неслось негромкое пение. Завхоз часто подпевал сам себе за работой, причем всегда одну и ту же песню. О русской бригаде бравшей Галицийские поля.

Дмитрий постучал и распахнул дверь.

Из села мы трое вышли,
Трое первых на селе

Дядя Саша чего-то мастерил на верстаке.

И остались в Перемышьяе
Двое гнить в сырой земле...

Завхоз допел куплет у оглянулся, – А-а-а... Димон-охламон... как жизнь?

– Спасибо, нормально, а у вас?

– А что у нас? Вы все стулья ломаете, непоседы, а я чиню.

– Мы переезжать собрались, – вздохнул Дмитрий.

Завхоз повернулся и уселся на верстак:

– Да ну? Мать решила, наконец? И куда?

– Далек, в кибуц Дан. Это где-то на самом севере.

– Ну, философски пожал плечами завхоз, – чего ж делать, главное чтоб матери получше стало.

– Ну да, – согласился Дмитрий, – но все равно, тоскливо как-то.

– Это ты, брат, брось. Перемены, они всегда к лучшему..., – старый танкист запнулся и добавил, – или почти всегда.

Апрель 56-го

*Искры и гром высекает табун на скаку.
Соты гробниц в полыхании жаркого ветра.
Тот на своём ничего не увидел веку,
Кто не бродил у подножия города Петра.*

А. Городницкий

Завтрашний хамсин заранее укутал луну в зыбкое многослойное кружево, сквозь которое свет почти не пробивался. Две тени плавно скользили во тьме, соблюдая необходимую дистанцию, дабы по возможности не подвернуться обоим под одну очередь.

Двир шел первым. Дмитрий следом. Рассеянного лунного сияния едва хватало, чтобы различать силуэт напарника.

Карту Дмитрий помнил во всех подробностях, каждую складочку, потертость. Слабым красным карандашом кто-то вычертил на ней маршрут Бар-Циона. Его имя было нацарапано тем же карандашом, арабскими буквами в начале линии, там, где она пересекала границу.

Свой собственный маршрут Дмитрий на карту не наносил, мало ли в чьи руки она попадет. Они с Двиром вычертили его на отдельном листе кальки.

С картой Фридман носился, как с писаной торбой, прятал ее от жадных чужих глаз, разглядывал только наедине, пере-

писал все арабские слова и названия, перевел их, по одному выпрашивая то тут, то там.

Бар-Цион шел через Вади Муса.

Вади – по-арабски – пересохшее русло реки, наполняющееся в период дождей. Такими вади изрезана вся пустыня и многие из них имеют имена. Идти по ним легче, чем карабкаться по верху, по хребтам. Да и не пройти во многих местах по-другому. Но и опасностей для путников тоже хватает. Вади всегда находится в низине, то есть в тактически невыгодном положении. В сезон дождей почва в руслах рек, лучше сохраняет следы.

Дмитрий долго изучал карту, разговаривал с бедуинами-кочевниками из дружественных племен, пару раз допрашивал задержанных контрабандистов.

Маршрут Бар-Циона ему не нравился, слишком людно стало в Вади Муса, караваны, контрабандисты, легионеры...

Они с Двир ом выбрали другой путь, через Умм Кемер. Глик как-то рассказывал о караванном пути, проходившем через это русло и о колодце в развалинах римского сторожевого поста.

Обратно Бар-Цион и Рахель возвращались самым коротким и прямым путем через вади Абу Хушейба, Дмитрий же рассудил так: если их заметят, то вспомнят предыдущих ходоков и засаду выставят именно там. Так что и обратный маршрут они проложили другой.

Ночная пустынная фауна копошилась вокруг, выли и лаяли шакалы, ухали совы. Двир маячил впереди. Равнина вскоре закончилась, потянулись каменистые овраги, возвышенности, дюны.

Они карабкались по склонам вверх и вниз, помогая друг другу. Воздух становился все прохладнее, но они, взмыленные и разгоряченные, не замечали этого. Наконец выбрались из очередного вади и растянулись на песке, хранившем дневное тепло.

– Привал... – прохрипел Двир отплевываясь.

Сели в тени огромного, с самоходку, валуна. Дмитрий прислонил винтовку к скале, глотнул воды, отдышался.

Впереди простиралась небольшая долина. Сквозь просвет в облаках, луна освещала ровную, как футбольное поле поверхность.

Дмитрий припомнил карту и констатировал:

– Сааль а Тайбе...

Так равнину называли бедуины.

Двир прополоскал рот, сплюнул на землю и кивнул:

– Она...

Вади Умм Кемер начиналось по ту сторону равнины. Третью пути они одолели.

Дмитрий набрал полную грудь прохладного воздуха, но тут Двир саданул его локтем вбок.

Фридман поперхнулся, давая кашель. В тишине отчетливо похрустывали шаги.

Двир положил руку на рукоятку "узи". Дмитрий прижал к губам палец и потянул из ножен штык.

Левая рука нырнула в подсумок и обхватила ребристое тело гранаты.

Шаги приближались, Двир выглянул из-за валуна, затем обернулся к напарнику.

– Верблюд, – выговорил он одними губами.

Приготовив оружие, они вжались в тень. Клацать затвором Дмитрий не стал, в ближнем бою, с "чешкой" много не навоюешь.

"Корабль пустыни" прошагал метрах в пятнадцати от них, беспокойно вертя головой. В тишине негромко позвякивала уздечка.

Верблюд с уздечкой означал две вещи, и обе – нехорошие.

Первая – животное чье-то, и хозяева неподалеку.

Вторая – верблюда рано или поздно будут искать и могут наткнуться на их следы.

Из этих двух вещей проистекала третья: надо уносить ноги, как можно быстрее, то бишь продолжать движение.

Долину они пересекали перебежками, прикрывая друг друга.

Первым со склона вниз скатился Двир, огляделся по сторонам и махнул рукой. Дмитрий полез следом, оступился на покачнувшемся камне, чуть не полетел кубарем. Кое-как устоял, съехал вниз и застал любопытную картину: Двир ле-

жал на земле, что-то внимательно изучая.

Дмитрий наклонился к нему.

На песке темнели в лунном свете отпечатки. Одни побольше, другие поменьше. Следы тянулись по дну вади с запада на восток, как раз по пути.

Двир поднял на него глаза.

– Давно? – шепнул Дмитрий.

– Максимум вечером...

Дмитрий опустил на колени. Внимательно осмотрел отпечатки. Он не мог читать следы так, как следопыты-бедуины, но кое-чему все же научился.

Следы поменьше легкие, неглубокие оставила женщина или ребенок, об обуви он ничего сказать не мог. А вот вторые следы, основательные вдавленные в песок, были мужские, кроме того, подозрительно напоминали израильские военные ботинки, точь в точь как те, что надеты сейчас на ноги самого Дмитрия.

Вот так фокус...

Дмитрий уставился на Двира. Тот только пожал плечами.

Помолчав, Дмитрий решительно дернул головой туда, где скрывалось за поворотом пересохшее русло: продолжать путь. Вскочил на ноги и жестом показал, что теперь пойдет первым.

Двир поднялся, поправил на шее автомат и послушно отступил.

Русло извивалось, словно змея, местами втискивалась в

узкую каменную теснину, срывалась вниз с отвесов. Иногда выплескивалось на равнину, где растекалось вширь, но тут же снова сужалось, проваливалось в крутые каменные каньоны.

Насколько позволял рассеянный лунный свет, он старался не терять из виду почти незаметную цепочку следов.

Интересно, кто бы это мог быть? – размышлял на ходу Дмитрий, – а вдруг ротный с той самой, Рахелью, как там ее... Бен Хорин... решили снова повторить "подвиг", вот будет номер, если они встретятся...

Хотя нет, ротный роста среднего, сложения мальчишеского, а следы тянут на добрый 44–45, да и вдавлены глубоко, значит вес не малый.

Русло снова вырвалось на простор и раскинулось вширь. Двир, позади, издал тихий предостерегающий посвист. Дмитрий замер на месте и тут же сам уловил почти незаметный растворенный в воздухе запах дыма.

Ночная тьма, посеребренная лунным сиянием, оставалась непроницаемой. Дул легкий ветер с севера. Дальше продвигались медленно, насторожено прислушиваясь.

Пройдя метров двести, разглядели силуэты верблюдов, а за ними и шатры бедуинского табора. Собаки, хвала Аллаху, пока молчали.

Дали крюка, обходя стойбище по широкой дуге.

Снова вернулись в вади и заскользили по песчаному руслу. Загадочные следы все так же тянулись по песку.

Место, где следы выстроились в ряд, он заметил в последний момент и резко остановился. Махнул Двиру, чтоб глядел в оба. Их предшественники стояли рядом друг с дружкой. Носки были сильно вдавлены, значит, наклонившись вперед, что-то разглядывали.

Дмитрий вгляделся повнимательнее, и понял. Русло здесь пересекала другая цепочка следов. Этих было много и все одинаковые: добротные армейские ботинки. Легион... Пустынная стража Глабб-паши... старые знакомцы.

Следы уже различались плохо, оставили их, пожалуй, дня два-три тому назад.

Сзади приблизился Двир. Шумно потянул носом, словно мог услышать, давно растворившуюся в воздухе смесь запахов пота, амуниции, оружейной смазки.

– Легионеры?

Дмитрий кивнул и аккуратно перешагнул через следы. Теперь темп замедлился. Они продвигались осторожно, внимательно глядя по сторонам.

Вади сужалось, втискиваясь между двух отвесных стен. Идеальное место для засады.

Вскоре русло снова расширилось и стало круто забирать на север. Пора было вылезать.

До намеченного места привала оставалось всего ничего. Привал они спланировали в развалинах римского сторожевого поста и наббатеяского поселения, в этом месте их маршрут сходилась с маршрутом Бар-Циона, но затем они разбе-

гались по разным ущельям.

Только набатеи селились на голом месте, в пустыне, посреди ничего. Место, конечно, не от фонаря выбиралось, а со стратегическим значением, на караванных путях, ведущих в Газу и к другим портам на побережье. Глик много рассказывал о них.

Набатеи рыли колодцы, цистерны-водосборники, поднимали воду на поверхность. Специальными террасами ограждали поля, удерживая землю, не давая ветру разметать все по бескрайним просторам Лравии.

Не было тогда равных набатеям в ирригации. Садами расцветала при них пустыня, на огромном пространстве, от берегов Красного моря и до самой Пальмиры.

Поскольку Дмитрий своими расспросами боялся вызвать подозрения ротного, и так уже в самые печенки влез, об источниках воды справки наводил Двир. Получалось у него классно, легко, ненавязчиво. То разговор в нужное русло направит, то поинтересуется, как бы случайно, ас, в общем. Ему теперь и карты в руки. Двир молча обогнал напарника, глянул на компас и уверенно зашагал вперед.

На карте место привала никак не обозначалось, но если верить словам ротного, находилось оно юго-восточнее высоты 1283.

Вскоре забелели под ногами правильной прямоугольной формы камни, остатки фундаментов. Двир уверенно шел к невысокому холму.

Обогнув подножье холма, он остановился у квадратной дыры в скале. Прибыли.

Двир кивком показал Дмитрию на вход и оттянул затвор.

Фридман зажал в правой руке штык, в левую взял фонарь. Бесплезную в тесной пещере винтовку он прислонил к скале. Вдохнул, и на выдохе шагнул черноту.

Слабый лунный свет позволял различить небольшую комнату, размером примерно два на два метра, в каждой из трех стен которой чернели низкие ходы. Дмитрий лег на землю у левого лаза и зажег фонарь. Стекло фонаря было залеплено бумагой, оставляя прорезь для узкого луча света.

Когда-то пещера была погребальной. В левом и центральном ответвлении находились глухие комнаты, в стенах которых имелись специальные ниши. Луч фонаря обежал стены, осветив отложенные ящерицами яйца, пыль на полу, обломки крышек, когда-то закрывавших ниши с покойниками.

От покойников, понятное дело, не осталось и воспоминаний. Гробницы давно вскрыли, все представлявшее малейшую ценность унесли, а с останками разобрались целые поколения пустынной фауны.

Убедившись, в том, что обе комнаты пусты, Дмитрий быстро осмотрел колумбарий. Луч фонаря обежал круглое колоколообразное помещение, причудливо заметались тени по стенам, покрытым выемками, где когда-то сидели голуби. В одной из ниш даже обнаружилась плоска с промасленным

фитилем.

Отверстие в полу было закрыто большим круглым камнем. Дмитрий поднатужился, откатил его в сторону и глянул в дыру. Внизу играла бликами темная вода.

Двир уже расположился на отдых. Он сидел у входа и грыз галету.

Дмитрий уселся рядом, прикрыл глаза, прислушиваясь к ощущениям. Несмотря на увесистый груз и пройденную в хорошем темпе дистанцию, спина не ныла, плечи не болели.

Он вспомнил свой первый марш-бросок в армии. Новобранцы, навьюченные полной боевой выкладкой: винтовками, касками, обоймами, фляжками выстроились в каре у палаток. В центре на расстеленном брезенте лежало взводное имущество, три двадцатилитровых канистры, ящики с патронами, рация и аккуратно упакованные в брезентовый чехол труба 60 миллиметрового миномета и небольшая опорная плита.

Первое, что пришло в голову: все это хозяйство повезет следом за ротой грузовик.

Но тут позади, кто-то опытный прошептал:

– Миномет, это самая задница, кому он достанется, лучше сразу косите...

Дмитрий растерянно оглядел разложенное под ногами барахло и сообразил: никакого грузовика не будет... Затем поднял глаза на такие же растерянные лица остальных и вдруг, словно на кулак, налетел глазами на насмешливо вы-

зывающий взгляд Двира.

Несколько секунд они жгли друг друга глазами. Явно собиравшийся кликнуть добровольцев, сержант засек их противостояние и замолчал, с любопытством глядя то на одного, то на другого.

Двир сплюнул под ноги, шагнул вперед и ловким движением вскинул на спину канистру:

– Я возьму воду... – сказал он и снова презрительно цыкнул слюной.

И хотя ни один мускул не дрогнул в лице Дмитрия, изнутри его взорвало.

И этот городской еще будет перед ним выпендриваться и героя изображать! Попахал бы разок в поле!

Он ухмыльнулся, глядя прямо в глаза Двиру, и сказал:

– А мне нравится миномет, если никто не возражает, я, пожалуй, возьму... и плиту тоже.

В глазах Двира мелькнула досада, в глазах сержанта – уважение.

Сзади кто-то прошептал:

– Только посмотрите на этого придурка...

Май 52-го

Автобус затормозил, издав протяжный визг. Дмитрий боднул головой стекло и проснулся.

– Кибуц Дан! – крикнул водитель в проход между сидениями, – Приехали!

Дмитрий поднялся, притопнув затекшими ногами. Подал руку матери, помогая сойти. Следом выпрыгнул Зюня, огляделся и тут же картаво прокомментировал:

– Как кгасиво!

Дмитрий полез на крышу отвязывать узлы и чемоданы. Водитель помог спустить багаж на землю, уселся обратно в кабину и махнул рукой, автобус покати́л на запад, туда, где желтела гряда галилейских гор.

На дорогу опустилась тишина, вокруг, сколько хватало глаз, тянулись зеленые поля и дикие заросли шелковицы.

Зюня уже потянул спелые черные ягоды в рот и весь перемазался.

От шоссе отходила, прячась среди деревьев, грунтовка.

– Нам туда? – Спросил Дмитрий.

Мать промолчала, раздумывая, в этот момент из-за деревьев выкатился смешной полный человечек в рубашке цвета хаки и выгоревшей панаме. Перед собой человечек катил тачку на дутом резиновом колесе.

Завидев их, толстяк замахал рукой и перебежал шоссе.

– Вы Фридманы? – отдуваясь, поинтересовался он.

Дмитрий кивнул. Человек стянул панаму, обнажив влажную розовую лысину, учтиво поклонился маме, после чего протянул Дмитрию ладонь.

Ладонь, несмотря на кажущуюся пухлость, оказалось жесткой и мозолистой, а рукопожатие крепким.

– Я Сорин, – представился кибуцник, – из канцелярии. Пойдемте, мы вас ждем.

Они погрузили вещи в тачку, Дмитрий сунулся было помочь, но Сорин энергично отмахнулся и взялся за ручки.

Весь их недолгий путь Сорин трещал без умолку, когда подошли к аккуратному одноэтажному домику с вывеской, они уже знали, что кибуц был основан перед войной выходцами из Румынии, и что он, Сорин, один из них.

Рядом с кибуцем течет река, которая орошает поля, на полях выращивают овощи, фрукты и еще хлопок. Во время Войны за Независимость сирийцы три раза штурмовали кибуц, но все три попытки местные отбили.

Маму и Зюню вселили в отдельную комнату рядом с медпунктом. Вообще-то дети здесь жили отдельно, но Сорин сказал, что Зюня еще мал, и переселять его в "дом детей" нужно постепенно.

Перетаскав все вещи, толстяк повернулся к Дмитрию:

– Ну-с... молодой человек... теперь займемся вашей пропиской.

Они пересекли большую лужайку, прошли мимо столо-

вой, из окон которой доносился аппетитный запах.

Сорин потянул носом, причмокнул и сообщил:

– На обед будет борщ! Знаешь, – повернулся он к Дмитрию, – рецепт борща по-румынски?

Дмитрий пожал плечами.

– Пункт первый – украсть кастрюлю! – Толстяк заразительно захохотал собственной шутке, и Дмитрий тоже улыбнулся.

– А вот и твой новый дом, – Сорин ткнул пальцем-сосиской в длинный барак, выстроенный из массивных каменных блоков.

Распахнув дверь, он пропустил Дмитрия вперед.

Внутри барак напоминал казарму. Длинные ряды кроватей и шкафчиков разделялись листами фанеры. За каждой загородкой помещались две кровати.

Внутри никого не оказалась. Но веселые голоса мальчишек доносились снаружи.

– Наверное, мяч гоняют, – сообщил Сорин, останавливаясь у третьей загородки слева. Половина загородки была явно жилая, мягое одеяло топорщилось на кровати. На тумбочке были навалены тетрадки и учебники. С потолка свисала на нитке модель самолета с голубыми звездами на крыльях.

Правая кровать была аккуратно застелена, а за приоткрытой дверцей шкафчика виднелись пустые полки.

– Ну вот, – Сорин улыбнулся, – с новосельем. Обживайся. Если что понадобится, меня можно всегда найти в канцеля-

рии.

Когда румын ушел, Дмитрий сунул чемодан под кровать, скинул ботинки и растянулся на одеяле. День выдался длинный, полный впечатлений. Голова гудела.

Из-за переезда на новое место Дмитрий не переживал, жаль только пришлось расстаться с Минькой, но здесь наверняка найдутся нормальные ребята. Он зевнул и принялся изучать модель самолета, лениво качавшуюся над кроватью соседа.

Хищный силуэт был знаком с детства – сто девятый "мессер". Только здесь в Израиле он назывался Авия и являлся не слишком удачным гибридом фюзеляжа от "мессершмидта" и двигателя от "хенкеля".

Как-то незаметно Дмитрий задремал.

Когда он проснулся, в бараке было шумно. Галдели за перегородками детские голоса. Взрослый мужской голос что-то строго выговаривал.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.